

ЛЕКЦИЯ 1

Курс лекций, который я буду читать, представляет собой обзорный очерк современной европейской философии, ее основных направлений и школ; повторяю — европейской философии, потому что корней охватить нельзя и трудно о них говорить, не предполагая у вас каких-нибудь основательных знаний, а это последнее предположение для меня, конечно, невозможно. Поэтому я буду исходить из того, что вы практически ничего не знаете о том, о чем нам придется разговаривать.

Мы попытаемся сделать так: я не буду рассказывать или пересказывать содержание философских учений. Об этом вы можете прочитать в описаниях, обзорах истории философии. Потом я дам список литературы, которую вы должны будете прочитать, и было бы неплохо, если бы вы читали ее параллельно с лекциями. Но для понимания того, что я буду рассказывать, в общем-то, необходимости в том, чтобы вы конкретно знали системы, не будет по одной простой причине: я постараюсь не рассказывать тексты, а выявить некоторые основные сквозные идеи, которые являются стержнями современной философской культуры, пронизывают одинаково все направления, являются их, скажем так, кристаллизациями, которые в разных выражениях, разных формах встречаются у разных авторов и в разных философских направлениях, создавая тем самым некоторое единство стиля современной философской мысли. Это во-первых. Во-вторых, я постараюсь просто дать вам почувствовать, что такое философия, независимо от того, какая она — европейская или не европейская, старая или новая и критикуемая нами или не критикуемая.

Тем самым можно сказать так: фактически нам нужно ответить на три вопроса. Первый вопрос: что это за ситуация, духовная и культурно-социальная, XX века, в которой мы живем? Я говорю «мы», потому что действительно это мы, а не кто-нибудь отделенный от нас границами, потому что те проблемы, которые выражаются на философском языке, не знают границ и различия стран и наций. Во-вторых, мы должны ответить на вопрос: что представляет собой акт философствования в этих условиях, зачем и с какой целью он совершается? И третья, подсобная задача, но вам, наверное, необходимая, то есть необходимая всякому читателю текстов, а я таких читателей в вас подозреваю, — это умение обращаться с текстами, умение понимать, о чем они, о чем в них говорится и что из них следует. А это умение, как вы убедитесь в дальнейшем, — оно не простое. Почему нужно именно умение, а не просто чтение текстов?

Грубо говоря, я предложил бы различение текстов на два рода: есть тексты, которые можно назвать прямыми, а есть тексты косвенные. Первые являются аналитическими, а вторые — выразительными текстами. В философии, как профессиональной, так и непрофессиональной, встречаются обе разновидности текстов. Первые тексты, то есть тексты прямые, требуют просто понимания, вторые — косвенные, или выразительные, тексты — требуют интерпретации и расшифровки.

Различие между этими двумя видами текстов очень легко понять, начав с понимания различия между, скажем, научной статьей и проповедью. Научная статья есть нечто, где используются определенные языковые средства выражения, посредством которых передаются некие знания или мысли о некотором объекте. Прямой текст обращен к нашей способности рассуждения и понимания. А чем проповедь отличается от этого текста? Проповедь есть передача состояния путем использования таких средств, которые наводят нас на некоторое состояние, внушают нам его. Ко второй разновидности текста относятся очень многие экзистенциалистские тексты. В них не столько формулируется некоторое понимаемое самим же автором содержание, сколько передается, внушается некоторое состояние сознания или состояние духа. Не случайно поэтому в современной философии появилось то, чего не было в философии XIX века или XVIII века, — очень тесное смыкание с художественными формами

(хотя это и не закон, но вы можете услышать разговоры об экзистенциалистском романе, об экзистенциалистском кино и так далее), то есть философы стали прибегать к косвенным формам мысли, которые передают некоторое состояние тем, кто владеет соответствующими символами, имеющими хождение в данной культуре. А человеку вне этой культуры, скажем, человеку, который живет вне атмосферы парижского кафе 1946–1949 годов, некоторые выражения заведомо непонятны по той простой причине, что запас символов, которыми обладает читатель, не живущий в атмосфере парижского кафе, не таков, чтобы понимать, о чем идет речь.

Скажем, текст Канта понятен, если преодолеть трудности своего собственного слабоумия, обычного для всякого читателя произведений Канта. Есть некоторые философы, чтение которых вызывает ложную мысль читателя, что читатель — явный кретин. Тексты Канта относятся к этой разновидности, но, преодолев трудности своего слабоумия, мы все же понимаем текст, потому что он есть описание, пускай сложное, некоторого объекта, предмета мысли, который содержится в самом тексте. А когда речь идет о проповеди или об использовании символов, тут уже трудности не нашего слабоумия, а трудности, состоящие в том, что у нас нет того, что я назвал бы общим клеем символов, посредством которых мы могли бы расшифровывать символическую же речь, поскольку эта речь ставит своей задачей не аналитическое выражение понятной и ясной мысли, а задачу некоторого духовного состояния. Это — проповедь.

Многие философские тексты XX века являются разновидностью такой проповеди. Следовательно, чего они ожидают от читателя? Они ожидают от читателя, что у него есть общий запас символов и что он испытывает те же самые состояния, о которых повествует или которые пытается передать автор. Эта посылка не всегда оправданна, не всегда реализуется. Запас символов может не совпадать, тогда текст непонятен, он является как бы разновидностью марсианского текста; а если нет запаса символов, тогда есть второй путь, а именно путь интерпретации или расшифровки, реконструкции мысли. Мы запасом этих символов не обладаем. Достаточно просто взять наши публикации, еженедельники и газеты, и вы увидите, что даже словарь русской газеты, еженедельника или русского толстого журнала

не совпадает с составом слов, со словарем французского еженедельника, французского журнала, французской газеты. Есть предметы мысли, которые отсутствуют в русском языке, а вы, наверное, понимаете, что предметы мысли есть нечто такое, что, как снежный ком, катится по улице, обрастая мыслями массы людей. Он обсуждается, он виден, он выставлен на площади, тогда это предмет мысли, а если этого нет, то это просто слово, что-то обозначающее и нам непонятное.

Например, чтобы пояснить, что я имею в виду, могу пожаловаться на вещь, известную философам-профессионалам, а именно на то, что образовался некоторый разрыв культур, европейской и российской, который привел к тому, что некоторые философские тексты, которые написаны в шестидесятых, семидесятых годах, пятидесятых или тридцатых годах этого века, просто почти невозможно перевести на русский язык. И это не зависит от изобретательности переводчика, а зависит от того, что таких предметов просто нет в нашем языке. Предметов нет, поэтому нет и слов, трудно найти эквиваленты для французских, немецких или английских слов. И эту трудность вы обнаружите, когда познакомитесь с той литературой, которую я вам буду рекомендовать для чтения.

Но для такого рода духовных явлений чужой культуры, во-первых, и косвенных, или проповеднических, текстов, во-вторых, нужно какое-то искусство обращения. И это искусство обращения предполагает еще одну вещь, которую я от вас буду требовать. Эту вещь можно обозначить странным словом, а именно «великодушие». Великодушие — это допущение того, что может быть что-то другое, чем мы сами, и что нельзя требовать, чтобы мир соответствовал нашему или вашему уровню развития, нашим представлениям, нашим желаниям и нашим мыслям. Мир существует независимо от нас, и он гораздо больше нас и от нас требует приятия или, как говорил Декарт, великодушия. Что такое великодушие? Великодушие — это великая душа. А великая душа — это душа, способная вместить иное, не дрогнув. События в мире, в том числе и события в мысли, не обязаны быть нам приятными, не обязаны нас ублажать. Они происходят. Значит, читая какой-то текст, который может показаться непонятным или даже абсурдным, вы должны сделать допуск великодушия в предположении, что в этом тексте есть все-таки

что-то, что достойно понимания и внимания. И тогда вы будете обращаться с ним по правилам расшифровки, по правилам интерпретации.

Начнем тогда с того, что я назвал во втором пункте, а именно: я обещал заниматься с вами прежде всего тем, что такое философия. На этот вопрос, мною же самим поставленный, я сразу ответить не могу, на это потребуется год, то есть все наши занятия. Но кое-что я хотел бы дать понять с самого начала, чтобы как-то настроить вас на то, что будет в дальнейшем, и чтобы вы были готовы к характеру и стилю наших рассуждений, нашего разговора. Если вы пришли сюда в надежде получить какую-то систему знаний, то вы такой системы знаний здесь не получите. Во-первых, философия не есть система знаний, какой является физика, математика, ботаника и другие увлекательные предметы. И во-вторых, философское знание вообще не передается путем обучения. В этом смысле акт самого моего говорения противоречит самому себе, потому что акт говорения есть попытка сообщить что-то, а я же говорю, что философия не сообщается, ее нельзя преподавать; все курсы, обязательные в наших институтах, в каком-то смысле абсурдны по самой своей задаче. Почему? Потому что философия есть нечто, что случается с двумя людьми (скажем, я один и вы один), когда они встречаются на полдороге. То есть когда слушатель, учащийся философии, сам проделал какой-то жизненный путь, такой, что он своим личным опытом, своими испытаниями и переживаниями приведен к тому, чтобы поставить перед собой в дилетантской форме или форме любознательности какие-то вопросы, которые являются философскими. И тогда ему нужно встретиться с профессиональной философией. А если этого не произошло, то с ним сделать ничего нельзя, то есть наш разговор имеет смысл только тогда, когда вы поймете, что это произошло, причем вы можете сами не знать, а можете догадаться об этом, услышав какие-то философские слова. Но если вы половину пути не прошли, то никаких философских знаний передать вам я не могу, потому что философское знание, повторяю, не сообщается. Оно есть личный акт, которому можно помочь, но не больше.

После того, что я только что сказал, вы видите, что имеется странное отношение к самому феномену философии как к феномену культуры. Философия имеет очень сложное

и странное отношение к одному явлению в мире, которое есть особое явление, отличное от всех других. Это явление обозначается в нашем языке словом «личность». Почему философия имеет отношение к феномену личности? А потому, что личность — такой феномен, который не существует сам по себе, не рождается натуральным образом (от родителей, например), который есть нечто, что может возникнуть ненатуральным путем, а может и не возникнуть. Хотя в обыденном языке мы часто употребляем слово «личность» в одном ряду со словами «человек», «индивидуальность», личность — это не то же самое, что человек или индивидуальность; это некоторая особая структура в человеке, которая создается особыми актами и особыми переживаниями. Скажем, мы очень часто в обыденном языке употребляем некоторые выражения, которые содержат в себе мудрость независимо от нашей личной мудрости, потому что есть гений языка, того языка, на котором мы говорим. И мы часто очень точно употребляем термины, не отдавая себе отчета в том, что мы говорим, — через нас говорит гений языка. Например, мы разделяем поступки на, грубо говоря, две категории. Есть поступки, вызванные какими-то причинами: страхом, радостью, голодом, сытостью и так далее, давлением социальных обстоятельств или, наоборот, желанием в этих обстоятельствах что-то изменить, сделать. И мы говорим всегда: человек поступил так потому-то и потому-то, то есть наш язык, когда он описывает какой-то поступок человека, содержит причинные термины. А иногда мы вдруг говорим: «личный поступок». Что такое личный поступок? Или личное решение? Личностный поступок — это такой поступок, причиной которого является сам человек, который его совершил, и нет других причин. «Поступить лично» или «личностное поведение» — мы употребляем такие слова и довольно точно знаем, когда следует их произнести. Мы произносим эти слова, когда имеем дело с феноменом личности, который не объясним и не выводим ни из каких вне личности лежащих обстоятельств.

Совершение таких личностных актов, в том числе и актов мысли (потому что мысль ведь тоже поступок), имеет отношение к философии. Причем (и это связано с тем, что я говорил о различии между прямыми текстами и текстами косвенными, или выразительными) философия не обя-

зательно должна быть профессиональной, то есть изложенной в специальной философской терминологии под переплетом книги, называемой философским трактатом. Философия не обязательно должна принимать форму учений, она может быть просто реальной философией, которая без этого названия есть состояние сознания и мысли писателя, художника, ученого и вообще личности. Профессиональная философия в действительности лишь просто эксплицирует, переодевает в специальные термины то, что есть в культуре и в личностях независимо от нее, и не нося этого названия. Так что не смущайтесь тем, что вы можете находить философию в самых разных, самых неожиданных местах, а не только на философских кафедрах. Кстати, иногда именно на философских кафедрах вы ее и не найдете.

Философия связана с феноменом личности. Если есть личность, значит, совершился какой-то философский акт, знает об этом личность или не знает. За этим кроется более глубокое обстоятельство, понимание которого многое пояснит нам в современной ситуации, пояснит то, почему и зачем существуют эти странные слова, а они иногда очень странные. Например, «человек есть бесполезная страсть», говорит Сартр. Что это значит? Это простой пример, на котором можно показать тот факт, что философский акт есть все-таки особый акт, хотя он и выражается в языке. Эта фраза — «человек есть бесполезная страсть» — кажется нам понятной. Что она выражает? Она выражает пессимизм, уныние, неверие в человеческие силы и так далее. Я расшифровал ее, предполагая, что данная философская фраза выражает некоторые состояния, которые философы называют эмпирическими психологическими состояниями, то есть «уныние», «страх», «пессимизм» — психологические термины. А в действительности эта фраза означает совсем другое, она вовсе не выражает никаких психологических состояний, она не пытается выразить никаких состояний уныния, пессимизма и так далее. Она означает нечто совсем другое и может быть понята только как элемент в цепочке философского рассуждения, а философское рассуждение не есть рассуждение о психологии людей, оно есть рассуждение, простите меня за метафору, о делах божественных. Им нет дела до нашего уныния, до наших состояний подавленности и до нашего пессимизма, и поэтому, если вы встре-

чае в философии подобную фразу, вы сразу можете сделать предположение, что здесь говорится что-то другое по сравнению с тем, как ее можно расшифровать на обычном языке нашего психологического понимания. К сожалению, мы в принципе можем прочесть текст так, что вырванная из контекста фраза служит иллюстрацией декадентства, упадничества и прочего, и прочего. Но в контексте фразы «человек есть бесполезная страсть» «бесполезная страсть» означает (я сейчас не буду подробно разяснять, потому что мы к этому еще вернемся, нам же сейчас важно завершить какой-то этап понимания, поставить на нем точку) <...>¹, что это есть стремление быть Богом, которым он быть не может. И в этом смысле человек есть «страсть быть чем-то», а не «что-то».

Обратите внимание на этот оборот — «человек есть страсть». Что означает эта фраза? Только ли то, что человек обладает страстями? Она означает на философском языке, что в человеке есть нечто такое, о чем нельзя сказать, что это есть, а можно лишь сказать, что это то, к чему он стремится, то есть человек не есть предмет, а есть направленность к какому-то состоянию. В мире нет такого предмета, как человек. Можно перевести так (чтобы расшифровать слово «страсть» в этой фразе): человек есть страсть быть человеком. А для того чтобы сказать, что она «бесполезная страсть», нужно добавить, что человек есть стремление выйти за пределы себя и стать Богом. Или можно добавить: человек есть, существует лишь в той мере, в какой он в себе преодолевает человека, то есть, как сказал бы Ницше, для того, чтобы быть человеком, нужно стремиться к сверхчеловеческому. И тогда последствием стремления к сверхчеловеческому, преодоления в себе человеческого будет человеческое (по закону, если вы хотите занять сто рублей, просите пятьсот и получите сто; таким скромным примером можно пояснить желание чего-то с избытком, чтобы иметь минимум). Отсюда появляется (я сейчас снова иллюстрирую сложности философского языка) фигура «белокурой

¹ Здесь и далее знаком <...> обозначены фрагменты, которые были изъяты из публикуемого текста, так как для их редакции было неизбежно превышение редакторских полномочий; угловыми скобками обозначены также места, где все еще остаются сомнения относительно точности текста.

бестии», например. Это словосочетание вам, наверное, знакомо. Я имею в виду Ницше и его идею сверхчеловека, или — в просторечии — белокурой бестии (такими словами это потом обросло). Здесь сразу же можно прочесть расистскую теорию (я не берусь, мне скучно здесь все это воспроизводить, вы сами можете заполнить этот словесный ряд), а в действительности Ницше говорил на философском языке. Он не имел в виду ни расу, ни разновидность или конкретный вид человеков, ни тем более немцев. Он презирал и ненавидел их по разным психотическим причинам и настолько был далек от мысли восхвалять их, что выдавал себя за потомка польских князей, лишь бы не быть немцем.

Это — философская фраза. Она означает как раз то, о чем я только что говорил. Сверхчеловеческое. Что такое сверхчеловеческое? Это главное описание человека, оно состоит в том, что человеком можно быть, лишь преодолевая в себе «человеческое, слишком человеческое». Словосочетание «человеческое, слишком человеческое» — это классическое или, вернее, ставшее классическим словосочетание у Ницше. Что я тем самым сказал сейчас? Я одновременно пояснил особенность философского языка и необходимость обращаться с ним осторожно. Он не означает того, что, казалось бы, означает. Я только что сказал, что человек — бесполезная страсть, или сверхчеловек. Должна прийти раса сверхчеловеков, или сверхлюдей. Если вы поймете эти слова в ряду обыденного языка, вы ничего не поймете. Это философский воляпюк¹, жаргон, но без этого жаргона нельзя выразить некоторые мысли (это свойство, кстати, всякого жаргона; вы как студенты это прекрасно знаете), в нем есть необходимость, потому что есть какие-то вещи, которые можно сказать только на философском языке.

Пояснив характер философского языка, требующего особой осторожности, я одновременно что-то сказал и о том, о чем обязательно хотел сказать, то есть о феномене личности. Фактически, разъясняя личность, я сказал, что человек есть такой предмет в мире, который очень сильно отлича-

¹ Волапюк или воляпюк (нем. Volapük: vol — мир + pük — язык, т. е. «мировой язык») — изначально название искусственного языка, созданного в 1879 г. немецким католическим священником Иоганном Мартином Шлейером.

ется от всех других предметов в нем. Мы называем что-то человеком, то есть употребляем слова «человеческое», «человечность», имея в виду такими словами обозначить что-то особое, какой-то специфический феномен. Значит, уже в нашем языке мы имеем в виду что-то особое. На философском языке я говорю: это специфический феномен в мире. Когда мы его пытаемся обозначить словом «человек», мы имеем в виду нечто элитарное, мы «человеческим» называем нечто такое, что само по себе натуральным образом не существует и не рождается. Рождается существо на двух ногах, о двух руках, с двумя глазами и так далее, но не это мы называем человеком. Философы и религиозные мыслители часто находили возвышенный язык для того, о чем я сейчас говорю, они называли это очень красиво: о человеческом в нас они говорили словами «второе рождение», — Платон называл это «второе плавание». Первое плавание — человек родился, и он естественным образом проходит через годы жизни, поскольку он растет и потом стареет, происходят какие-то события, он плавает в море жизненных обстоятельств. А есть второе плавание, которое есть какой-то особый акт, второе рождение, акт собирания своей жизни в целое, собирания своего сознания в целое, целое в том смысле, в котором вы это слово применяете к художественному произведению, — как некое органическое единство, которое не само по себе сложилось, а является именно целым.

И поэтому, кстати, всегда (а в XX веке особенно) в силу ряда обстоятельств появлялась сквозная мысль (особенно у артистов и художников), сквозная идея (и символ) жизни как художественного произведения. Это знакомая вам идея (я просто пока поясню, что это не случайная идея, содержание ее шире, чем то, что я сейчас сказал), но само наличие таких идей в нашем языке говорит об особом характере человеческого феномена. Эти акты, посредством которых случается второе рождение, или второе плавание, неотделимы от философии, они содержат в себе элемент философствования, знаем мы об этом или не знаем. И наоборот. Следовательно, философия есть профессиональное занятие на языке особых терминов и понятий и особых представлений всем тем, из-за чего случается второе плавание и без чего второе плавание произойти не может.

Можно пойти дальше и пояснить простую вещь. Пояснение этой вещи будет одновременно ответом на вопрос, почему современная философия такова, почему она вообще есть. Я сказал, что человек естественным образом не существует, феномен личности не рождается, он появляется лишь во втором рождении, во втором плавании. Это можно пояснить простым указанием на способ существования человеческих явлений: этот способ существования состоит в том, что все человеческие явления, институты, законы, нормы, поступки определенного рода не существуют сами по себе, или, можно сказать, что они не могут длиться сами по себе. Мы иногда о законах и о человеческих институтах склонны рассуждать так же, как о деревьях и камнях, то есть, например, выросло дерево, и оно длится (выросшее дерево), как сказал бы философ, пребывает, существует само по себе, или не нуждается ни в каких дополнительных условиях и обстоятельствах. А вот подумайте в перерыве, задумчиво куря сигарету: существует ли в таком же смысле человеческий закон? Например, существует ли в таком же смысле человеческая свобода? Демократия? Законность? Вот мы, допустим, установили, что мы свободны. Будем ли мы свободны, оттого что мы это установили?

Ответ на этот вопрос осветит дальнейший путь движения. Итак, существуют ли человеческие институты, так же как существуют, длятся, пребывают деревья, камни и тому подобное? Из того, что я уже говорил, частично вытекает отрицательный ответ: не существуют. В каком смысле не существуют? А в том смысле, что все явления этого рода, которые являются человеческими установлениями, раз установившись (или однажды установившись) и будучи изобретенными (а культурные законы, институты и так далее именно изобретаются, изобретаются ценой риска, крови, самопожертвования, страсти, в том числе и бесполезной, как мы узнали из формулы Сартра), они далее, чтобы быть чем-то (и к этому термин «существование» неприменим [в том смысле, в котором он применим к деревьям и камням]¹), требуют опять крови, страсти, самопожертвования, понимания и потребностей такого уровня, что их у человека нельзя было бы

¹ В квадратные скобки взяты вспомогательные редакторские вставки, а также слова и словосочетания, которые возникли в предположении.

отнять, не отняв у него одновременно с этим и жизнь. И вот когда объявлен какой-то установившийся закон (то есть закон есть человеческий навык делать определенные вещи; закон не есть явление природы; закон есть некоторая условность, она не записана в структуре космической туманности или Солнечной системы), он, раз установившись, требует в каждый данный момент того, чтобы достаточно большое число людей совершало усилие, направленное на то, чтобы этот закон был, чтобы люди жили сообразно этому закону.

Это усилие, и понимание, и потребности должны воспроизводиться. Вот отсюда та возвышенная и глупая фраза (в данном случае я называю ее глупой, потому что я вообще не люблю сентиментальных фраз, а она сентиментальная) немецкого поэта о том, что «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой»¹. Она очень хорошо переведена на русский язык именно потому, что русский язык насыщен сентиментальностями и в нем эти вещи легко выражаются, он весь как бы на цыпочках, всегда приподнят. (Особенно, кстати, в русском кино. Почему-то особенно актрисы говорят приподнятыми, фальшивыми голосами. Ничего в простоте сказать не могут.) Но, если отвлечься от флёра сентиментальности в этой фразе, мысль-то она выражает верную, она выражает тот [закон], по которому живут человеческие установления.

Все человеческие установления являются такими. Демократия, например, отличается тем, что ее — как вы знаете, наверное, — нельзя дать извне, если нет достаточного числа людей, которые с риском для своей жизни или под страхом смерти готовы воспроизводить свою потребность в демократии, которые не представляют без нее своей жизни. К тому же демократия или просто закон есть навык, умение. Например, это есть умение или мускул, который позволяет нам жить в сложном обществе, а история показывает, что есть некоторые такие социальные системы, которые возникают и строятся определенным образом именно потому, что субъекты этих социальных систем, подданные, граждане этих социальных систем, не способны и не умеют жить в сложной социальной структуре, достаточно дифференцированной, артикулированной, формализованной. Например, русские лю-

¹ Строка из «Фауста» (часть I, действие 5) И.-В. Гёте.

ди начала XX века явно не умели в ней жить, и поэтому они не хотели права, а хотели справедливости, они не хотели истины, а хотели правды. Справедливость и правда — это вещи, что сами собой, интуитивно, на миру или гласом мира устанавливаются без каких-либо сложностей и опосредований. Идеи непосредственного управления, непосредственного установления правды, критика формализма буржуазного права, формализма представительных, правовых институтов и так далее родились на этой почве. И, разъясняя частично эту вводную вещь, я отвечаю на вопрос, что такое человеческий феномен, и тем самым одновременно ввожу некоторые темы современной философии.

Скажем, приводя знакомый образ русского мира (общины), я просто взял знакомый образ, а могу сейчас назвать его термином, который возник в философской культуре XX века (это немецкий термин), *Gemeinschaft*, в отличие от *Gesellschaft*. *Gemeinschaft* (в русском языке нет перевода этого термина) — это общность, а *Gesellschaft* — это общество. Общество формально, оно содержит в себе различные секторы, классы, институты, отличные один от другого. Власти разделены. А общность — это то общение людей, которое непосредственно устанавливается между ними и обозримо всеми участниками этого общения. Это органическое *Gemeinschaft* стало противопоставляться формальному *Gesellschaft*, формальному обществу, в философской культуре современного мира. И как немцы потом использовали это в фашистской идеологии? Народ существует, и народ должен непосредственно управлять самим собой. Как он может непосредственно управлять самим собой? Без разделения властей, без системы представительства. Один народ, один фюрер. И вы знаете, к чему это привело. Так вот, человек есть умение жить в сложном обществе или неумение жить в нем.

Субъектов, которые являются носителями такого рода идей, бессмысленно упрекать в том, что они не понимают, что такое демократия, как немцы не понимали. Почему? По одной простой причине: вся послевоенная история Германии (Западной Германии, я имею в виду) свидетельствует о том, как трудно установление человеческих институций, если они не вырастают из души, способности, умения каждого. Я повторяю фразу, которую уже говорил: для каждого человеческого закона, для его существования и пребывания

нужно достаточно большое число таких людей, из глубины потребностей, умения, риска и страсти которых этот закон каждый раз выростал бы, то есть на философском языке это означает, что человеческие вещи не длятся, а все время должны воспроизводиться. Иначе их просто нет. Значит, когда мы говорим о человеческом усилии, пульсациями которого человеческие действия только и живут, тогда мы должны говорить и о том, как эти усилия можно совершать. Если что-то в мире зависит от меня, от моего усилия, то я это усилие как-то должен уметь совершать.

Религиозные авторы в таких случаях говорили, например, что не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в человеке, то есть все, что божественно, нуждается в человеке, а божественны такие вещи, о которых я только что говорил. Закон божествен. В каком смысле божествен? Он не психологичен, ему нет дела до наших состояний радости, волнений и так далее, и его не существует без нашего усилия. Совершение усилия, пульсация которого держит на себе пребывание человеческих вещей, есть нечто очень сложное, что, естественно, может быть только продуктом культуры, и к совершению этого усилия имеет отношение философия, то есть фактически философия не есть знание (как я уже предупредил вас), а есть прежде всего техника, во-первых, и, во-вторых, техника совершения этого усилия. Нужно понять, что такое усилие, а это само собой не очень понятно. Скажем, в каком-то смысле вся античная философия в лице Платона, если условно считать Платона самым полным выразителем античной философии, есть акт, совершенный Платоном перед лицом убийства Сократа. Общество убило Сократа, и это заставило Платона философствовать. Как так? Если Сократа убивают, что же тогда? Вся философия Платона есть ответ на этот вопрос. Сам вопрос распадается на много сложных составных частей, но я хочу сказать, что в акте философствования есть вынуждение, этим вынуждением служат часто такие вещи, как убийство философа.

И вот эта техника задавания такого рода вопросов, расщипывания определенных иллюзий, докапывания до сути дела — она и есть философия. О философии одновременно и увлекательно говорить, и трудно, и так же трудно ее передавать, потому что она связана с усилием, и, если говорить

философским языком, не с усилием чтения текстов, а с усилием такой жизни, чтобы акт жизни воспроизводил не меня в мире, а воспроизводил порядок, то есть если я чего-то не делаю, то что-то в мире рушится (например, рушатся, умирают человеческие законы, в том числе и хорошие). Так вот, это передать почти что невозможно, поэтому все, что я буду говорить, частично будет совпадать с одной категорией, о которой я сказал в самом начале, — с категорией проповеднических текстов, то есть таких, которые пытаются не передать аналитическое содержание мысли, а навеять какое-то состояние.

Чтобы навеивать это состояние, у нас есть какой-то материал, есть философские тексты, есть зафиксированные в книгах философские явления XX века, то есть специфические для XX века философские явления. Это экзистенциализм, феноменология, неопозитивизм, или так называемый логический позитивизм, философская антропология, философия жизни, философия культуры, герменевтика, метафизика и так далее. Теперь мы одновременно с этим перечислением должны задать себе один общий вопрос: почему это так? Почему мы каждый раз создаем новую философию — философию, отличную от той, которая была, от классической философии? Ведь есть стройные и красивые философские построения XVII, XVIII, XIX веков, так называемая классическая философия. Почему же должна быть другая философия и почему вообще она должна отличаться от той, предшествующей? Скажем, вы услышите такие словосочетания, которые имеют смысл, требующий четкого понимания, а именно что классическая философия — это философия разума, просвещения, рациональности, а современная философия — это некоторый декаданс, вырождение, отказ от идеалов разума, от идеала рациональности, или, другими словами, современная философия в целом характеризуется некоторыми иррационалистическими тенденциями и чертами.

Но, приняв это описание, мы должны теперь задать себе вопрос по тем правилам, которые я изложил в самом начале, вопрос, диктуемый великодушием, то есть нашей способностью вместить все, что есть в мире, в том числе и нам неприятное. Задать себе вопрос: что это, почему? И вот, задавая себе этот вопрос, вы сначала, конечно, должны призадуматься вообще о ситуации, в которой мы оказались в

XX веке. Что является характерными чертами, сквозными механизмами, такими, которые охватывают жизнь многих стран, многих миллионов людей и ставят их перед в общем сходными проблемами? Что это за проблемы, которые потребовали нового философского языка, новой терминологии и, соответственно, новых имен?

Понятно, что отвечать на такой вопрос мы можем, лишь отвечая на немножко другой вопрос, а именно на вопрос: какие состояния рождены в культуре XX века? Выражены они на языке философии или не выражены? Я же сказал, что философия может не называться философией, что мы часто философствуем, совершаем акты философствования, не зная этого, то есть, скажем, с одной стороны, есть философия учений, а с другой стороны, есть реальная философия. Эйнштейн не был философом-профессионалом, то есть он не создавал философского учения, но некоторые акты физического мышления, совершенные Эйнштейном и оказавшиеся в основе теории относительности, являются философскими актами по некоторым своим чертам или способу осуществления. И тогда не важно, применимы ли к этим актам слова и термины, заимствованные из философских доктрин. Доктрин может не быть, а философия существует. Значит, есть какие-то состояния, которые достаточно проработаны культурой и для которых уже нашлись символы, которые циркулируют в культуре, и в атмосфере этих состояний, ведомы ли нам или нет их выражения и экспликации, возникают новые современные философские направления. Что это за состояния? Или каков подвиг и в силу каких механизмов они возникают?

К таким состояниям применимо то правило экспликации, или расшифровки, о котором я говорил, а именно: к состояниям, которые не имеют собственного аналитического языка, приложимы правила, требующие от нас рассматривать их как косвенные тексты, или, как сказал бы Маркс, в очень уж такой ученой терминологии, рассматривать их как превращенные формы. Превращенными формами являются такие, которые, говоря *A*, на самом деле говорят *B*. Об этом может не знать не только тот, кто слышит говоримое, но и тот, кто говорит. Грубо говоря, можно сказать так, что все такие формы, которые я назвал косвенными или выразительными, поддаются психоанализу, или психоаналити-

ческой процедуре, если под психоаналитической процедурой понимать нечто более широкое, а именно: если кто-то, имея в виду сказать *A*, на самом деле, помимо своего намерения и сознания, говорит *B*. Кстати, при перечислении философских направлений я забыл наряду с феноменологией, экзистенциализмом и другими упомянуть психоанализ, который не является философией, но содержит в себе существенные философские вещи, которые нам нужны для понимания всей духовной, культурной атмосферы XX века.

Что же произошло в XX веке? Я возьму для обсуждения этого простой и в то же время сложный образ. Можно сказать в каком-то смысле, что вся современная культура и философия есть ответ, попытка осмыслить, переварить, освоиться с одним явлением, с одним историческим актом, а именно с Первой мировой войной (1914–1918 годы). Но дело в том, что всякие такие попытки переварить Первую мировую войну диктуются теми же причинами, теми же пружинами, которые эту войну вызвали. На переломе веков действительно что-то происходило, что увенчалось (или увенчало себя) Первой мировой войной, совершенно непонятной для традиционной классической культуры, войной, которая не укладывалась ни в какие правила человеческого понимания, ни в какие навыки просвещения, рационализма, разума.

То, что происходило, я могу опять не объяснить, а навешать следующим простым рассуждением, сначала договорившись с вами о некоторых названиях, что ли. Вот существует, например, слово «проблема». Что такое проблема? Проблема — это нечто, что требует от нас какого-то усилия в его освещении, и больше ничего. Условимся тогда современным (а мы говорим о современной философии) называть нечто такое, что для нас представляет собой проблему, то есть требует от нас какого-то усилия понимания. Давайте договоримся, что усилие понимания — это не просто умственный акт, напряжение мысли, а нечто требующее от нас перестройки, какой-то переориентации наших привычных навыков понимания. Обычно мы можем понимать нечто, приводя в действие те инструменты, которыми мы уже располагаем и владеем, но договоримся современным, или проблематичным, называть нечто, которое мы не можем освоить и понять, приводя в действие те умения, которые у нас

уже есть, а должны что-то с собой сделать (то есть не с проблемой сделать, а с собой, пытающимся понять эту проблему). Простая вещь. Скажем, современной является живопись Сезанна, хотя она была не так недавно. Почему она является современной? По определению, которое я только что предлагал, то есть, когда вы стоите перед полотном Сезанна, вы с собой должны что-то сделать, чтобы увидеть то, что там есть. Это акт, отличный от акта стояния перед полотном Тициана.

Повторяю, современным в отличие от классического, или традиционного, является все то, перед лицом чего мы должны с собой что-то сделать, чтобы воспринять происходящее, нарисованное, написанное или звучащее. По тому же признаку современной является музыка Стравинского, в отличие от музыки Чайковского. Я сейчас повторяю, что философы не говорят на языке «хорошо», «плохо», то есть на языке оценок, и, когда я говорю «современное» или «классическое», это не значит, что классическое лучше современного или современное лучше классического, что музыка Чайковского лучше музыки Стравинского или наоборот. В философии мы говорим о совершенно других вещах (опять же по тому закону великодушия, который я сформулировал). То, что существует, существует, не интересуясь тем, можем ли мы это понять или не можем, приятно нам это или неприятно, существует, не интересуясь, пятерку, четверку или двойку мы ставим этому явлению. Музыка Стравинского современная, потому что она требует от нас, чтобы мы что-то с собой сделали, и тогда она будет услышана.

Вот, грубо говоря, что такое современная философия. И если я буду на левой стороне доски выписывать названия произведений, явлений, которые подходят под это определение современности, а на правой стороне доски буду выписывать даты, когда эти явления возникли, то мы обнаружим две странные вещи.

Вы знаете, что в науке существует современная генетика: Мендель, Морган, Хуго де Фриз. (Генетику мы не понимаем. Мы должны с ней освоиться иными средствами, в том числе близкими к уголовному кодексу, как было, например, в сорок девятом году, если я не ошибаюсь. Это совсем рядом. Современно, да? Настолько современно, что даже к уголовному кодексу приходилось обращаться.) Современ-

ная генетика. Я напишу на доске дату, когда это случилось. И она будет следующая — 1901 год¹.

Или квантовая теория — современная физика, самая что ни на есть современная, в том числе не только по дате, но и по определению, которое я приводил. То есть квантовая физика есть то, что, пользуясь привычным языком, понять нельзя, и нужно над собой приподняться, чтобы что-то сделать, и тогда услышишь то, что содержится в ее формулах. Напишу дату — 1900 год².

Теория относительности — очень современная — 1905 год³.

Сезанн. Выставка Сезанна, если мне память не изменяет, — это 1904 год⁴.

Кандинский, Стравинский... То есть, что бы я ни перечислил, это нечто такое, что по сегодняшний день есть проблема, то есть то, что нас приводит в состояние *Unbehagen*, как сказали бы немцы, то есть некоторого замешательства, неловкости, тяготины. И мы из этой тяготины можем выйти, только что-то с собой совершив. Перед лицом Сезанна, Планка (квантовая гипотеза), перед лицом Эйнштейна и так далее.

И здесь мы понимаем еще вторую вещь: историческое время отличается от абстрактного хронологического времени. С точки зрения масштабности абстрактное хронологическое время измеряется течением и размером нашей жизни. Наша жизнь, допустим, в лучшем случае восемьдесят лет. Громадный срок! 1901 год очень далек от нас — целая чело-

¹ В 1900–1901 гг. была признана революционная роль открытия Менделя, когда Х. де Фриз (Голландия), К. Корренс (Германия) и Е. Чермак (Австрия) почти одновременно повторно открыли законы наследственности и опытным путем доказали правильность выводов Менделя. С этого времени ведет свое начало экспериментальная генетика.

² В 1900 г. немецкий физик Макс Планк положил начало квантовой теории.

³ В 1905 г. в немецком научном журнале «*Annalen der Physik*» (17, 132) появилась статья Альберта Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», в которой почти полностью была изложена специальная теория относительности.

⁴ Первая персональная выставка Сезанна состоялась в 1895 г. в галерее Амбруаза Воллара. Два пейзажа Сезанна вошли в собрание Люксембургского музея. В 1900 г. картины Сезанна были представлены на выставке «Французское искусство за сто лет», приуроченной к открытию Всемирной выставки в Париже. М. К., вероятно, имеет в виду выставку Сезанна в Осеннем салоне в 1904 г., когда его работам был отведен целый зал. Эта выставка — первый триумф Сезанна.

веческая жизнь, — бесконечно далек. А историческое время совсем иначе построено, настолько иначе, что с точки зрения исторического времени мы находимся, живем в 1901 году (опять же, по определению, что жизнью, живым, являются только проблемы; мертвое никогда не является проблемой). Значит, мы живем там, хотя прошло добрых восемьдесят лет, потому что тот период, о котором я говорю, условно растянут: 1895—1918 годы, то есть перед войной и захватывая войну. Скажем, Габриэль Марсель — первый экзистенциалист. «Метафизический дневник» Марселя — 1914 год¹. «Логико-философский трактат» Витгенштейна (это один из основателей современного философского направления, называемого логическим позитивизмом) — 1918 год.

Сразу же заскочу в другую область. Марсель Пруст в эти же годы (1919 год²) создает «новый роман». Нужно над собой что-то сделать, чтобы читать его. Опять повторяю: он не плох и не хорош. Я, например, его люблю, считаю его лучшим романом XX века, но это не философское высказывание, а пока мы занимаемся философией. Значит, мы обнаруживаем вторую повторяющуюся вещь: историческое время построено иначе и инаковость его построения важна нам для того, чтобы было понятно, что мы живем в какой-то точке (наши восемьдесят лет сжались в какую-то точку) и эта точка — рубежная точка предвоенных и военных лет. Мы живем там, то есть мы сегодня пытаемся решить то, что пытались решить тогда; мы сегодня осваиваемся с тем, что изобрели или пытались изобрести тогда. На рубеже веков происходил какой-то очень существенный перелом культур, очертания которого нам, хотя в это трудно поверить, не ясны, потому что он имеет, очевидно, более крупный масштаб, чем масштаб нашего опыта, а мы можем понимать нечто такое, что имеет одинаковый масштаб с мерками нашего понимания. А может, это более крупное животное, только хвост которого мы видим, а остальная часть туловища теряется где-то в тумане, причем в тумане будущего, поэтому мы с вами еще не очень хорошо знаем, что с нами

¹ Первая часть «Метафизического дневника» была написана в 1913—1914 гг., вторая создавалась с 1915 по 1923 г.

² В 1919 г. Марсель Пруст был удостоен Гонкуровской премии за роман «Под сенью девушек в цвету».

происходит. Но пока будет уже хорошо, если мы знаем, что происходящее с нами сегодня есть то, что происходило в 1901 году, в 1905 году, знаем то, одним из симптомов чего была Первая мировая война, загадавшая загадку нашей привычной, традиционной цивилизации. Она загадала загадку тем, что не укладывалась в эту цивилизацию.

Теперь попытаемся разобраться (хотя мы приняли оговорку, что не все можно понять по одной простой причине: масштаб нашего поколения и масштаб происходящего — они разные, и мы всё, очевидно, еще не видим, не завершился процесс, но дальше какие-то вещи, какие-то нити вытянулись), что является основным фактом в философии, фактом, который больше всего на нее повлиял и который прежде всего произвел какой-то перелом в нашем философском багаже, в наших понятиях, в нашем инструментарии (в понятийном инструментарии) и так далее. Этот факт — он в следующем: это время характеризуется, и чем дальше, тем больше, появлением совершенно нового и особого феномена, а именно феномена идеологических государств или идеологических социальных [структур]. Они на другом языке могут быть названы массовыми, то есть этот феномен можно обозначить как «массы», или «массовое общество». Не случайно одна из книг, характерных для всей современной философии (характерных в том смысле выразительности, о которой я говорил, то есть характерных в том смысле, что само это явление — очень выразительный симптом), — это книга, написанная испанским философом Ортега-и-Гассетом. Она называется «Восстание масс».

Черты этого читаются уже в тот период, о котором я только что говорил. Интересно, что одно из ярких эссе, написанное очень чувствительным поэтом Полем Валери (а вы знаете, что эссе — это какая-то запись именно состояний), написанное, кстати, опять же в этот период, 1895—1918 годы (я не помню точно даты и не помню точно, издано ли оно в сборнике, который вышел несколько лет назад), называлось «Немецкое завоевание»¹.

¹ Эссе «Немецкое завоевание» написано Полем Валери в 1897 г. Фрагменты этого эссе в переводе на русский язык можно найти в статье: *Фокис С.* Россия в геополитике Валери // Независимый филологический журнал. 2003. № 60.

Я разряжу немного атмосферу и расскажу один исторический анекдот, произошедший в 1940 году и одновременно поясняющий суть этого эссе. То есть статья или, вернее, эссе Валери было написано, а потом то, что случилось с автором, было как бы продолжением или иллюстрацией к самому эссе. «Немецкое завоевание» — эссе, в котором Валери показал, ухватил явление, в котором он увидел нечто, что в немецкой культуре раньше не наблюдалось, нечто новое, а именно систематическую экономическую политику послебисмарковской Германии, которую на новом языке можно было бы назвать «тотальной» или «тоталитарной» (поэтому он и написал эссе, что его интересовали черты нового явления, которое он назвал «систематическим завоеванием» или «немецким завоеванием»). То есть какой-то совершенно новый метод делания дел, систематический охват всех пунктов, не пропуская ничего, и такое как бы «движение танка», хотя танков тогда еще не было. И он написал эссе и назвал его «Немецкое завоевание». Я прошу вас, чтобы вы удержали в голове термин «тотальность действия» или «систематичность действия».

Так вот, в 1940 году (когда частично реализовалось то, о чем писал Валери в «Немецком завоевании», при этом он не имел в виду никакого такого завоевания, которое случилось в действительности в 1940 году), когда немцы пришли в Париж, они осуществляли, естественно, цензуру печати, цензуру изданий (а не просто пришли). Эта цензура отличалась своими более цивилизованными методами: они просто контролировали выдачу бумаги для издания книг. Немецкий чиновник контролировал выдачу бумаги многочисленным маленьким издательствам, которые в том числе были и в Париже. И Валери собирался издать книгу под названием «Дурные мысли». Издательский представитель обратился к немецкому чиновнику, который должен был выделить бумагу для издания книги господина Валери под названием «Дурные мысли». И произошли две интересные вещи в реакции чиновника, обе типичные. Первая: «Дурные мысли... Зачем же господину Валери писать, имея дурные мысли, разве нет хороших мыслей?» — сказал чиновник. Потом вдруг чиновник приостановился, призадумался и сказал: «Простите, простите, не тот ли это господин Валери, который в свое время написал антинемецкую статью?» Тогда

было другое государство, было другое время, все сменилось, а тотальный человек помнил все, что совершилось, в том числе эссе Валери, которое было написано против кайзеровской Германии в лучшем случае, а никак не против той Германии, которую представлял чиновник. Но чиновник был систематичен: ничего нельзя пропускать, нужно все помнить. Так эссе Валери «Немецкое завоевание» породило иллюстрацию к самому себе.

ЛЕКЦИЯ 2

В прошлый раз во вводной лекции мы остановились на том, что я сказал: основной элемент или факт, с которым приходится иметь дело в XX веке, — это факт появления идеологических государств, или идеологических социальных структур, или — шире — идеологических социальных массовых движений. Этот факт вместе с другими, о которых я скажу, радикально изменил ситуацию. Какую ситуацию? Что я имею в виду под ситуацией и что нам нужно держать в голове, чтобы затем понять происходящее в сложных философских понятиях и терминах?

Самая большая трудность, с которой мы сталкиваемся, — это то, как нам, с каким умением и искусством, с какой сообразительностью соотносить философские термины и понятия с их реальным социальным и экзистенциальным смыслом. Часто философские понятия (поскольку философия — это теоретический язык) не похожи на то, о чем они говорят, поэтому установить связь между философскими понятиями, с одной стороны, а с другой стороны, связь понятий с ситуативным смыслом, то есть смыслом социальной ситуации, духовной ситуации, смыслом тех проблем, которые ставит перед собой каждый человек, очень трудно, потому что философия — это язык, который имеет имманентные законы теоретического языка.

Что я имею в виду под ситуацией? Коротко говоря, речь идет о ситуации, в которой оказался разум, то есть о ситуации разума, причем прежде всего не о какой-нибудь ситуации абстрактного разума, а разума, который дан каждому человеку, разума, посредством которого этот человек должен ориентироваться в своей жизни, в своем мире: прини-